

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ
SOCIETY AND REFORMS

**Экономические циклы и мнения населения
об экономической динамике**

*М.Д. КРАСИЛЬНИКОВА**

* **КРАСИЛЬНИКОВА Марина Дмитриевна** – кандидат экономических наук, член правления Левада-Центра, ведущий эксперт Института социальных проблем Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Адрес: Славянская пл., д. 4, стр. 2, каб. 404, E-mail: mdkrasilnikova@hse.ru.

Субъективные оценки, мнения и представления населения об экономической стороне жизни (и личной, и страны) отличаются рациональностью и прагматизмом. Они выступают чутким индикатором ближайших перемен в экономическом развитии страны, поскольку население является крупнейшим экономическим агентом, совокупное поведение которого непосредственно влияет на экономическую динамику. В статье рассматривается связь субъективных оценок различных параметров экономического развития страны и объективных данных экономической статистики. Особое внимание уделено анализу представлений людей о признаках развития кризисных явлений в экономике. Результаты анализа показывают, что российское население, с готовностью рассуждая о причинах, последствиях и иных аспектах экономических кризисов, чаще всего говорит не о каком-то временном состоянии экономики страны, а о привычной и неизменной повседневности, длящейся десятилетиями. Субъективное восприятие материальных условий жизни большинством российских семей наилучшим образом описывается словом “кризис”. При этом теряется, стирается экстраординарный, временный, преходящий смысл этого понятия, кризис становится нормой жизни. И практически никогда речь не идет об экономическом кризисе как об источнике новых возможностей, катализаторе позитивных перемен в личной судьбе простых граждан.

Ключевые слова: экономический кризис, субъективные индикаторы, опросы населения, социальное самочувствие.

DOI: 10.31857/S086904990008508-0

Цитирование: Красильникова М.Д. (2020) Экономические циклы и мнения населения об экономической динамике // Общественные науки и современность. № 1. С. 5–21. DOI: 10.31857/S086904990008508-0

Economic Cycles and Public Opinion on Economic Dynamics

MARINA D. KRASILNIKOVA*

*Marina D. Krasilnikova – PhD (Economy), Levada-Center board member, leading expert for NIU HSE. Address: 4-2, Slavianskaya sq., office 404. E-mail: mdkrasilnikova@hse.ru.

Abstract. Subjective assessments, opinions and perceptions of the population about the economic aspects of life (both personal and the country's life) are rational and pragmatic and are a powerful indicator of the forthcoming changes in the country's economic development, since the population is the largest economic agent, whose aggregated behavior directly affects the economic dynamics. The article discusses the relationship between subjective assessments of the country's economic development and objective data of economic statistics. Particular attention is paid to the analysis of people's ideas about the signs of the development of crisis phenomena in the economy. The results of the analysis show that the Russian population, readily discussing the criteria of the begging, termination, consequences, etc. of economic crises, most often speaks not about some temporary state of the country's economy, but about the usual and unchanging everyday life that lasts for decades. The subjective perception of living conditions by the majority of Russian families is best described by the word "crisis," while the extraordinary, temporary, transitory meaning of this concept is lost, the crisis becomes the norm. Almost never people are talking about the economic crisis as a source of new opportunities, a catalyst for positive changes in the personal fate.

Keywords: economic crisis, subjective indicators, public opinion polls, social sentiments.

DOI: 10.31857/S086904990008508-0

Citation: Krasilnikova M.D. (2020) Economic Cycles and Public Opinion on Economic Dynamics. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 5–21. DOI: 10.31857/S086904990008508-0 (In Russ.)

Субъективные оценки, мнения и представления населения России о многих аспектах экономической жизни (как личной, так и страны в целом) отличаются куда большей рациональностью и прагматизмом, нежели представления о социально-политической жизни общества. Более того, в той мере, в какой темпы и характер экономического развития страны зависят от действий населения как агента тех или иных экономических отношений, субъективные представления и мнения выступают еще и хорошим индикатором ближайших перемен в экономике. Поэтому измерение и анализ динамики и структуры мнений людей по социально-экономическим вопросам (денежным доходам и потреблению семей, ситуации на рынке труда, возможностям индивидуального предпринимательства и иным сторонам жизни, непосредственно касающимся каждого члена общества, не говоря уже об общеэкономических – макроэкономических – оценках) представляют самостоятельную ценность. Они дают новый источник информации о состоянии экономики страны, независимый от экономической статистики, финансовых индикаторов и т.п. В условиях возрастающих трудностей получения надежной экономической информации любой дополнительный источник важен. Особая ценность таких субъективных данных состоит в том, что они получены от непосредственных участников экономических, социально-экономических отношений, действующих на микроуровне.

Отражение “объективной” экономической динамики в субъективных оценках населения

Поскольку речь идет об экономическом контексте, начну с описания основных параметров экономической динамики в России за последние почти 20 лет, с 2000-го г. На рисунке 1 представлены годовые темпы прироста макроэкономических показателей –

наиболее чувствительных в повседневном опыте рядовых граждан: индикаторы денежных доходов (реальные денежные доходы населения), инфляции (индекс потребительских цен) и изменений в личном потреблении (товарооборот и платные услуги). Как видно из рисунка 1, в целом налицо отрицательная динамика. И только в одном случае можно отметить позитивный момент в связи со снижением темпов роста потребительских цен по индексу потребительских цен (ИПЦ).

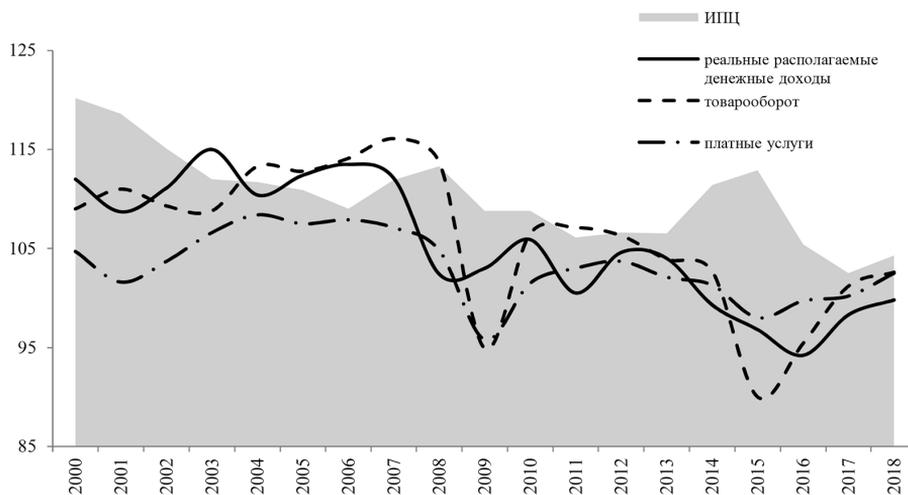

Рис. 1. Динамика основных экономических показателей (данные Росстата РФ, в %, каждый год – декабрь).

Источник: Росстат РФ.

Реальные располагаемые денежные доходы населения снижаются, их темпы прироста в последние пять лет уже ушли в отрицательную зону. Приросты розничного товарооборота снижаются, в последние годы выбросы из отрицательной зоны едва видны. Платные услуги населению ведут себя примерно так же. Данные по динамике заработной платы в последние годы чуть лучше, но все же этот источник доходов хоть и основной, но не единственный. Поэтому представленные на графике изменения реальных располагаемых денежных доходов населения дают наиболее общую оценку.

В начале 2000-х гг. рост реальных доходов населения сопровождался постепенным улучшением субъективных оценок изменений в материальном положении российских семей. Напомню, что тогда рост личных доходов имел восстановительный после тяжелых 1990-х гг. характер. Он позволял залатать “дыры” в семейных бюджетах, но в гораздо меньшей степени приводил к действительно качественным изменениям в уровне жизни людей.

Уже многие десятилетия в исследованиях Левада-Центра используется “качественная” шкала материального достатка семьи, на которой люди сами оценивают уровень своей жизни, исходя из собственных представлений о своих финансовых возможностях. Эта шкала выглядит следующим образом (см. рис. 2):

- *самыми низкообеспеченными* (“не хватает на продукты”) мы называем тех, кто говорят, что денег им не хватает даже на продукты, что они едва сводят концы с концами;
- *следующая по уровню благосостояния группа* (“хватает только на продукты”) – люди, которые причисляют себя к тем, кому денег хватает только на продукты, а уже покупка одежды, обуви вызывает финансовые затруднения, необходимость экономить, брать займы и т.д.;

– еще более обеспеченная группа (“хватает на продукты и одежду”) – люди, которые спокойно приобретают продукты, одежду, но уже покупка бытового оборудования вызывает необходимость перекраивать бюджет, брать кредит и т.п.;

– самые благополучные российские граждане (в своих массовых проявлениях) (“могут приобретать ТДП”) – это те, кто говорят, что они могут позволить себе купить товары длительного пользования. Им для этого не нужно заранее экономить, не нужно брать кредит. Вот это – самая обеспеченная массовая группа населения. На рисунке 2 в этой категории также учтены те, кто выбирают еще более благополучную позицию (считают, что могут приобрести автомобиль, но для покупки недвижимости нужно выстраивать долгосрочные финансовые планы). Однако эта последняя группа малочисленна (в разные годы она составляла 2–4%) и в последние несколько лет не увеличивается.

На рисунке 2 показано, как отражаются изменения в денежных доходах населения, фиксируемые Росстатом, в субъективном восприятии людей. Линия, которая пересекает столбики на графике, отражает динамику реальных располагаемых денежных доходов (базисный индекс, 1999 г. = 100%). На рисунке видно, что к концу 2018 г. по сравнению с 1999 г. более чем в три раза выросли реальные денежные доходы семей. А по субъективным ощущениям людей в среднем наше общество из наиболее массовой группы начала 1990-х, которая говорила о том, что денег им хватает “только на продукты” (из группы “наевшихся”), перебралась в группу “одевшихся”: самой массовой группой (около 50%) стала та, представители которой считают, что они без финансовых затруднений удовлетворяют все свои текущие потребности в питании и одежде. Напомню, что в терминах старых советских времен это формулировалось как “от зарплаты до зарплаты”, то есть денег хватает на текущие расходы.

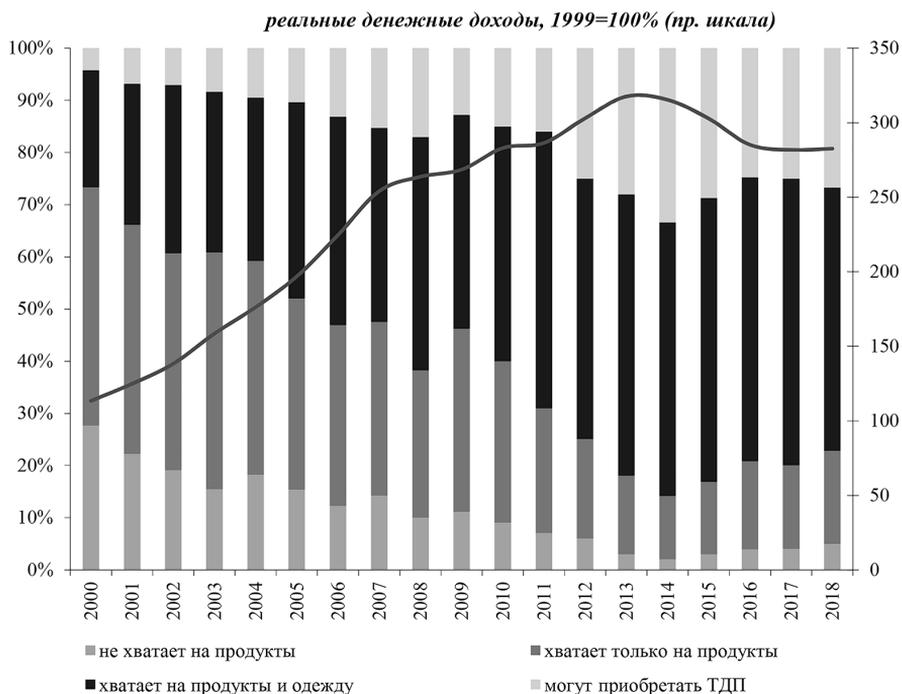

Рис. 2. Структура семей по уровню материального достатка.

Источник: Росстат, Левада-Центр (опросы репрезентируют мнение городского и сельского населения России в возрасте 18 лет и старше, N = 1600), расчеты автора.

В последние пять лет ситуация стала ухудшаться. Заметно сократилась группа наиболее обеспеченных граждан. На пике роста они составляли треть общества (33%), а в 2018 г. – около четверти (27%). В то же время, если в 2000-м г. почти 30% людей говорили, что они даже на питание с трудом наскребают деньги, то сейчас доля такой группы на уровне 3–4%, и она очень сильно не увеличилась в последние годы. Но стала увеличиваться доля тех, кому хватает только на продукты за счет того, что в нее “опускаются” представители более высокообеспеченной группы.

В 2018-м г. появился легкий намек на то, что происходит “растягивание” шкалы субъективных оценок материального достатка между бедными и богатыми. Потому что в 2018 г. по сравнению с 2017 г. чуть-чуть меньше стала доля срединной, самой массовой, группы – тех, кто не экономит на текущих потребительских расходах. Экономическая статистика пока не фиксирует особых изменения в дифференциации денежных доходов семей. А в субъективных ощущениях она, возможно, наметилась.

На протяжении десятилетий инфляционные ожидания населения оставались высокими, что было естественно на фоне сохранявшегося долгие годы двузначного уровня ежегодного роста потребительских цен (см. рис. 3). Люди давно привыкли жить в условиях высокой инфляции, которая загнала инфляционные ожидания на столь ощутимый уровень, что уже трудно измерять различия между “очень-очень высокими” и просто “очень высокими” инфляционными ожиданиями. Все последние годы 9 из 10 опрошенных ожидали дальнейшего роста цен прежними или более высокими темпами. В этих условиях признаком ухудшения ситуации становится рост доли ожидавших *ускоренного* роста цен.

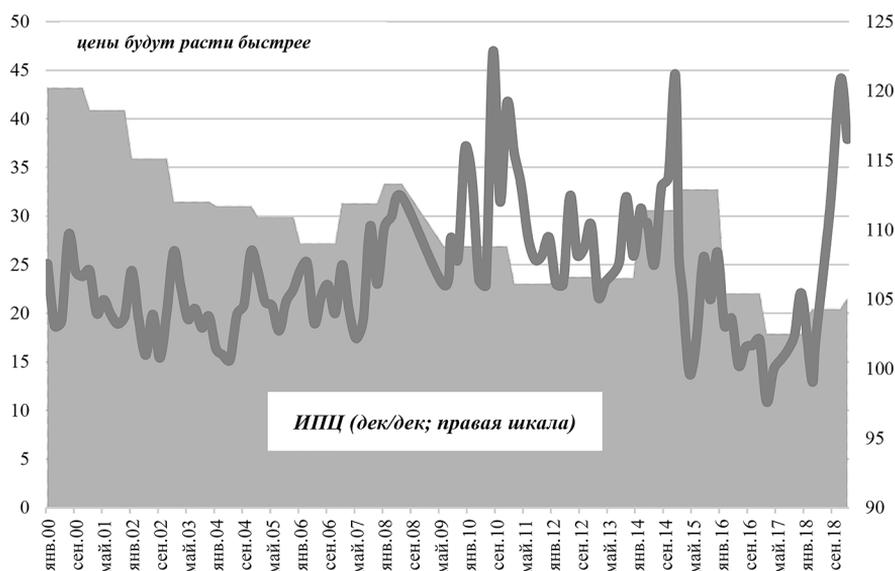

Рис. 3. Динамика роста потребительских цен (ИПЦ) и субъективные ожидания ускоренного роста цен.

Источник: Росстат, Левада-Центр (опросы репрезентируют мнение городского и сельского населения России в возрасте 18 лет и старше, N=1600).

Инфляционные ожидания населения представляются наименее информативными с точки зрения оценки перспектив экономической динамики, потому что они очень консервативны, “пугливы и мнительны”. Ожидания роста инфляции взлетают стремительно

от малейшего признака роста цен. Так это было, например, в конце августа 2010 г., когда вдруг взлетели цены на гречку, и население немедленно отреагировало стремительным ростом ожиданий ускорения роста всех потребительских цен. Пик инфляционных ожиданий в 2014 г. был связан с девальвацией рубля. В 2018 г. году похожий всплеск произошел на фоне множества значимых отрицательных новостей: рост цен на бензин, затем объявленное решение о повышении пенсионного возраста, одновременно с этим – решение о грядущем повышении НДС. Все эти пики инфляционных ожиданий примерно одинаковы по величине на фоне как фактической инфляции (то есть по темпам ИПЦ) в пределах 3–5%, так и двузначной фактической инфляции, как это было в начале 2000-х гг.

Для формирования субъективных инфляционных ожиданий важен не только фактический опыт роста цен. Так же важно, что одновременно происходит с денежными доходами. Если доходы увеличиваются быстрее инфляции, рост цен воспринимается гораздо спокойнее, чем в ситуации, типичной для последнего времени, когда доходы не растут. Но в любом случае инфляционные ожидания очень медленно тормозятся. Они “отталкиваются” в своих изменениях от сложившегося уровня, ставшего привычным. Должен пройти не один год снижающихся темпов роста цен, стабильно низких темпов изменения ИПЦ, чтобы это всерьез, значимо отразилось на субъективных инфляционных ожиданиях, чтобы новый, более низкий уровень, стал для массовых слоев населения надежной точкой отсчета.

С начала 2000-х гг. кредитование стало широко распространенным элементом потребительского поведения. Население рассматривает обращение за кредитом не только как вынужденную меру в условиях абсолютного недостатка денежных средств, но и как рациональный выбор с целью оптимизировать денежные потоки. Последнее встречается не часто, но все же имеет место. Поэтому выбор “брать или не брать” кредит все более связывается с субъективными оценками условий кредитования, степени их благоприятности. Вслед за мировой практикой, в Левада-Центре измеряется субъективный индекс “склонности к кредитованию” на основе ответов респондентов на вопрос «Как вы думаете, сейчас хорошее или плохое время для того, чтобы делать покупки в кредит? (возможные ответы: “хорошее”, “плохое”, “не хорошее, но и не плохое”)». Индекс рассчитывается как баланс долей (в процентах) положительных и отрицательных ответов плюс 100. На рисунке 4 этот индекс представлен на фоне данных Росстата о доле прироста кредитной задолженности по отношению к общему объему денежных доходов населения. То есть, если это интерпретировать бытовым образом, насколько финансовые ресурсы населения увеличиваются (либо уменьшаются, как это уже было дважды) в результате изменения объема кредитной задолженности.

За последние два десятилетия были периоды, когда люди активно погашали кредиты (соответственно, это приводило к уменьшению объема денежных доходов, которые могли быть потрачены на потребление в данном периоде): после кризиса 2008 г. и в 2015 г. – после девальвации 2014 г. В 2017–2018 гг. население набрало много кредитов, тем самым увеличив объем денежных доходов почти на 2,5% (в 2017 г.) и почти на 5% (2018 г.). Это компенсировало снижение реальных денежных доходов.

Арсенал показателей субъективных оценок населением экономической динамики включает также более сложные индикаторы, основанные на обобщении мнений людей на целый ряд вопросов. Наиболее широко известный из них – индекс потребительских настроений (ИПН), который в Левада-Центре измеряется еще с прошлого века¹. Мировой опыт показывает, что это хороший опережающий индикатор динамики потребительского спроса населения на рынке, индикатор ускорения (замедления) товарооборота, экономики

¹ Методику построения и динамику ИПН см. на сайте Левада-Центра (<https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/indeks-potrebitelskikh-nastroenii/>).

в целом. Структурный анализ формирования субъективных оценок потребительских настроений позволяет более глубоко понять причины, казалось бы, нелогичных расхождений в динамике отдельных экономических показателей. Это происходит, например, в последние годы, когда на фоне многолетнего снижения реальных располагаемых доходов товарооборот все же растет.

Рис. 4. Динамика субъективных оценок целесообразности покупок в кредит (данные Левада-Центра) и прирост кредитной задолженности населения в процентах к сумме денежных доходов населения (данные Росстата).

Источник: Росстат, Банк России, Левада-Центр (репрезентировано мнение городского и сельского населения России в возрасте 18 лет и старше, N=1600), расчеты автора.

Такой противоречивый пример – динамика индекса потребительских настроений в два очень разных периода за последние 20 лет. Первый – 2005–2007 гг., период экономического роста, причем довольно бурного, а 2015–2017 гг. – напротив, период экономического спада, в том числе непрерывного снижения реальных располагаемых денежных доходов населения. На рисунке 5 показана динамика ИПН и его отдельных компонент. Как видно, ИПН на протяжении обоих периодов рос, то есть потребительские настроения в целом улучшались в условиях как положительной динамики денежных доходов, так и отрицательной.

Однако если в благополучный период драйвер роста потребительских настроений – оценка ситуации на потребительском рынке (уровень показателя выше остальных компонент ИПН), то есть наиболее близкая и хорошо знакомая рядовому потребителю компонента (в магазин, как минимум, половина наших респондентов ходят регулярно и на собственном опыте знают ситуацию). В неблагоприятные годы драйверами роста становятся ожидания относительно изменений в экономике страны (но не в личном материальном положении!), то есть мнения по поводу объекта куда более отдаленного и менее понятного для обычного гражданина, потому, скорее всего, менее точно оцениваемого. Возрастает важность фактора надежды.

Рассмотрим подробнее 2015 г. – первый в череде лет отрицательной динамики денежных доходов. В его первые месяцы у населения довольно быстро прошел испуг от девальвации, и уже это обстоятельство подтолкнуло вверх потребительские на-

строения. Но затем ИПН быстро и довольно круто пошел вниз, поскольку доходы-то не росли. На протяжении 2015 г. произошли очень важные изменения в потребительском поведении населения, потребительском сознании. Эти изменения окончательно сформировались к концу года. Субъективные оценки, которые фиксируют социологические опросы, – баланс между двумя величинами. Первая представляет собой фактическое (“объективное”) положение дел (то, что фиксирует экономическая статистика в данном случае). Второе – ожидания, нормативные представления, то, что человек ждет от жизни, его представления о должном.

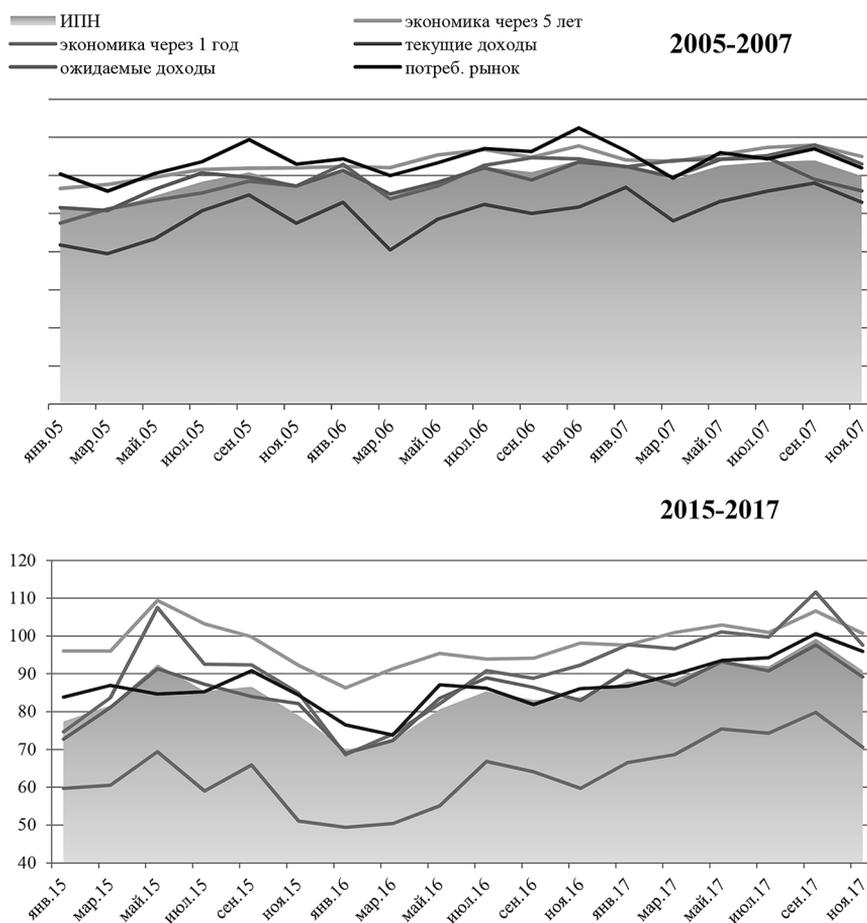

Рис. 5. Сравнительная динамика индекса потребительских настроений (ИПН) и его компонент.

Источник: опросы Левада-Центра (опросы репрезентируют мнение городского и сельского населения России в возрасте 18 лет и старше, N = 1600).

К концу 2015 г. население осознало новый для себя факт экономического положения страны. Имевшийся до тех пор опыт экономических кризисов показывал, что после резкого снижения, ухудшения уровня жизни людей довольно быстро происходил отскок и восстанавливалась положительная динамика денежных доходов. После 2014 г. ничего подобного не происходило, и люди начали менять свои нормативные ожидания

в сторону снижения. Это позволило уже в 2016 г., в условиях, когда доходы снижались, но уже не так сильно, как годом ранее (а на большее люди уже и не рассчитывали), перейти к позитивным субъективным оценкам. Позитив возникал в основном за счет ставших менее острыми *опасений ухудшения* ситуации, а не за счет *ожиданий улучшений*. Но баланс ответов все равно смещался в положительную сторону. И это начало приводить к росту потребительских настроений в целом. Однако положительные изменения ИПН в этот период основаны на опережающих темпах краткосрочных ожиданий улучшения в экономике страны, а не надежд на рост собственного благосостояния.

Приведенный выше пример демонстрирует, как анализ *структуры* формирования сводных показателей субъективных настроений, их разложения на составные компоненты, позволяет лучше понять, почему при снижающихся денежных доходах населения растет товарооборот, и долго ли продлится такая ситуация. Выясняется, что при конструкции потребительских настроений 2015–2017 гг. и соответствующей конструкции потребительского оптимизма рост потребительского спроса не может длиться долго, он неустойчив. Объективная экономическая статистика 2018–2019 гг. подтверждает это.

Периодизация экономических циклов в субъективных оценках

Текущие оценки состояния экономики, которые жители России дают в последние годы, оказываются неизменно весьма негативными (см. табл. 1). Уже несколько лет подряд не менее трех четвертей взрослого населения страны неизменно сообщают, что экономика страны находится в кризисе.

Таблица 1

Динамика распределений ответов на вопрос “Вы согласны или не согласны с мнением, что в России сейчас – экономический кризис?” (в %)

Варианты ответа	дек. 2014 г.*	дек. 2015 г.	дек. 2016 г.	сент. 2017 г.	авг. 2018 г.
определенно согласны	31	43	46	47	35
скорее согласны	21	39	39	35	40
скорее не согласны	16	10	7	11	15
определенно не согласны	21	2	3	3	5
затрудняюсь ответить	12	6	6	4	6

* “страна втягивается в кризис”

Источник: опросы Левада-Центра (опросы репрезентируют мнение городского и сельского населения России в возрасте 18 лет и старше, N = 1600).

Безусловно, происходящие процессы воспринимаются людьми иначе, чем четверть века назад, в начале 1990-х гг. (точнее – с 1992 г.), когда падение доходов было на порядок более значительным, но и менее продолжительным. Уже с середины 1990-х гг. начался рост денежных доходов населения, прерванный на относительно короткое время (1998–1999 гг.) первым рыночным экономическим кризисом. Затем последовал наиболее запомнившийся и чаще всего упоминаемый период стремительного роста денежных доходов всех слоев российского общества, приведший к восстановлению утраченного ранее уровня жизни.

Общественный смысл этих наиболее значимых периодов снижения уровня жизни был принципиально разным. В первый период (начало 1990-х гг.) падение доходов было как бы “побочным продуктом” более общих процессов социально-политической трансформации общества, перехода от социализма к рыночному хозяйству, от плановой экономики к рыночной, от гегемонии коммунистической идеологии – к многопартийной

системе и демократии, от тоталитарного к либеральному обществу. Экономические трудности переходного периода и драматическое снижение уровня жизни большей части общества расценивались как временное явление, как разовая “плата” за переход к новым возможностям, которые обеспечат улучшение жизни для всех членов общества.

Нынешнее падение денежных доходов, начавшееся с 2015 г., не связано с такими тектоническими общественными преобразованиями и уже в этом смысле носит более обыденный, повседневный характер, является уже характеристикой сложившегося социально-экономического порядка, в котором, как утверждает теория рыночной экономики, возможны взлеты и падения (экономические кризисы), не предполагающие пересмотр базовых основ социально-экономического устройства общества. Но в отличие от прежних экономических кризисов, которые уже успело пережить российское общество в рамках нового порядка, нынешняя ситуация явно затянулась. Впервые в новейшей истории снижение денежных доходов привело к пересмотру моделей потребительского поведения в сторону их упрощения и снижения запросов, которое все менее похоже на временную адаптацию к краткосрочным трудностям [*Красильникова 2016*].

Двадцатилетний юбилей первого рыночного по своей природе экономического кризиса (1998 г.) – хороший повод для более подробного рассмотрения восприятия населением экономических кризисов в условиях сложившейся в России экономической системы. Как люди воспринимают на практике эту теоретическую конструкцию рыночной экономики – кризис как инструмент регулирования экономики страны, который является неотъемлемым элементом эффективного ведения хозяйства и, в конечном счете, приводит к экономическому росту и улучшению благосостояния всех членов общества? В экономической теории кризис рассматривается как относительно краткосрочное состояние, имеющее свое начало и конец в обозримом временном пространстве (уж точно, в рамках человеческой жизни), то есть речь идет о циклическом развитии, о периодически возникающих кризисах. Это означает, что в личной памяти/опыте каждого человека должно быть отражено более одного экономического кризиса, если речь идет о рыночной экономике. Поэтому вполне естественно возникает вопрос о том, по каким признакам люди определяют начало и окончание этих неблагоприятных экономических периодов, с неизбежностью возникающих в их жизни.

В экономической науке проблема периодизации экономических кризисов остается полностью не решенной. На практике в разных экономиках используются свои инструменты (правила) установления хронологии экономических циклов, а общепризнанным образцом служит метод, применяемый Национальным бюро экономических исследований США (НБЭИ) [*Белянова, Николаенко 2013*]. Все применяемые методы периодизации экономических циклов так или иначе основаны на анализе динамики макроэкономических показателей. Для населения, как было показано выше, подобная информация важна, но она не первостепенна. Определение признаков/маркеров экономической ситуации (которые указывают на скорое возникновение и/или прекращение экономического кризиса), которыми руководствуется население, не менее важно, чем экспертный, научный анализ экономической динамики, поскольку население – крупнейший экономический агент, совокупное поведение которого непосредственно влияет на экономическую динамику.

Так по каким признакам люди оценивают наступление и завершение экономического кризиса? В ходе опроса, проведенного Левада-Центром в сентябре 2018 г. (двадцатилетняя годовщина кризиса 1998 г.), респондентам были заданы два соответствующих вопроса: “По каким признакам вы судите о том, что приближается (или заканчивается) экономический кризис?” и были предложены симметричные наборы подсказок, включающие около дюжины различных общеэкономических индикаторов и частных, повседневных характеристик жизни обычных граждан. Наборы ответов на вопросы о признаках начала/окончания кризисов были специально симметрично сформулированы, чтобы не только

оценить важность отдельных примет экономической жизни страны, наиболее чувствительных для формирования оценок населением, но и выявить возможные различия в иерархии показателей в зависимости от того, идет ли речь об ухудшении или об улучшении экономической ситуации. Вопрос предполагал множественный ответ, и респонденты примерно одинаково часто говорили о признаках как его начала, так и окончания (в среднем каждый выбирал не менее двух ответов: 2,2–2,4 ответа).

Рис. 6. Субъективные признаки начала и окончания экономического кризиса в стране.

Источник: опрос Левада-Центра (сентябрь 2018 г., опрос репрезентируют мнение городского и сельского населения России в возрасте 18 лет и старше, N = 1600).

Как и ожидалось, с точки зрения населения, признаки изменений в экономической ситуации в стране по большому счету одни и те же в случае как ухудшения, так и улучшения положения дел (см. рис. 6). В первую очередь люди обращают внимание на динамику потребительских цен: три четверти опрошенных называют этот признак, когда речь идет о приближении экономического кризиса, и половина – когда перечисляют приметы завершения кризиса.

На второе место претендуют одновременно несколько характеристик, каждую из которых упомянули примерно четверть респондентов. В качестве примет приближения кризиса они называют удорожание иностранной валюты, снижение зарплаток и даже увольнения. Если речь идет о завершении кризиса, то к этому списку добавляется упоминание о том, что расширяются возможности людей для отдыха и развлечений. Кроме того, в обоих случаях (приближения и завершения кризиса) столь же значимым оказывается собственно **общественное мнение** о том, что происходит в стране (“люди вокруг говорят”). Обратим внимание, что речь идет именно о повседневном межличностном общении, в рамках которого транслируется (и продолжает уточняться, укрепляться и распространяться) коллективное мнение, сформированное за счет многих других факторов. Формальные каналы информационного обмена (СМИ) в субъективном восприятии оказываются гораздо менее значимыми сами по себе, до тех пор, пока распространяемая ими информация не “приземляется” в неформальном межличностном общении. Сама по себе эта конструкция не новость для социологов, но не лишне еще раз продемонстрировать ее актуальность на примере формирования, казалось бы, относительно рациональных экономических оценок и представлений.

Результаты проведенного опроса показывают, что люди обращают внимание на несколько разные наборы факторов в зависимости от того, идет ли речь о начале или об окончании кризиса. Наибольшие отличия связаны со значимостью двух факторов – найма работников и возможностями отдыха. Если речь идет о приближении кризиса, люди чаще упоминают увольнения (20%), но найм новых работников как признак завершения кризиса называется в два раза реже (10%). Точно так же реже вспоминаются сокращения затрат и возможностей для отдыха и развлечений в преддверии кризиса (11%) и вдвое чаще говорят об этом как о признаке улучшения экономической ситуации (21%).

Оказывается, что наиболее “жесткие” формы реакции рынка труда на изменения экономических условий – увольнения/найм – несимметрично воспринимаются работниками. Угроза увольнения в случае кризиса субъективно оценивается как более вероятное событие, нежели найм в случае улучшения экономической ситуации. В случае выхода из кризиса более вероятным людям кажется “увеличение объема работ” (14% упоминаний как признака выхода из кризиса против 10% как признака наступления кризиса). Такое положение дел является косвенным свидетельством известной ригидности российского рынка труда, о которой много говорят эксперты [Гимпельсон, Капелюшников, Рыжикова 2012].

В равной мере отсутствует равенство восприятия моделей потребительского поведения как признака изменений в экономике страны. И это уже отражение общего уровня потребления в российском обществе, которое в массе своей характеризуется структурой, присущей бедным слоям населения. Один из признаков такого относительно бедного потребления – высокая значимость расходов на отдых и развлечения в виде посещений кафе, кино и прочих относительно незначительных затрат. В сегодняшнем российском обществе именно эта статья расходов несет на себе нагрузку наиболее популярного вида статусного потребления [Красильникова 2011]. Это означает, в частности, что подобные затраты еще не стали нормой, от которой трудно отказываться (начать экономить), но уже являются массовым, широко используемым для демонстрации своего социального положения. В результате, когда речь идет об ухудшении экономической ситуации, о таких изменениях в потреблении вспоминает только каждый десятый (11%), а когда думают о выходе из кризиса – уже каждый пятый (21%).

Таким образом, некоторые различия в структуре признаков ухудшения или улучшения экономической ситуации, которыми руководствуется население, можно охарактеризовать следующим образом. Если речь идет о приближении кризиса, то люди чаще вспоминают об угрозах потери заработков, а когда думают об экономическом росте – хотят видеть его результаты в позитивных переменах в потреблении и подтверждении своего общественного статуса.

Динамика потребительских цен является важнейшим субъективным индикатором состояния экономики. И в полном соответствии с теорией рост цен больше пугает людей (76% упоминаний как признака наступления кризиса), нежели снижение цен – вселяет надежду (52% назвали признаком завершения кризиса).

А какова периодизация экономических кризисов в субъективных оценках населения? Первый полномасштабный рыночный экономический кризис в современной России начался в августе 1998 г. В сентябре 2018 г., 20 лет спустя, был проведен опрос населения страны, в рамках которого задано несколько вопросов: (1) помнят ли люди этот кризис; (2) когда, по их воспоминаниям, он закончился; (3) были ли еще кризисы и если да, (4) то когда они начались и закончились.

Кризис 1998 г., начавшийся с объявления дефолта по государственным казначейским обязательствам (ГКО) и стремительной девальвации рубля, хорошо запомнился большинству россиян. Не каждое событие остается в памяти столь прочно. В среднем, три четверти взрослого населения 20 лет спустя не просто вспомнили о нем, но и смогли оценить его влияние на свою тогдашнюю жизнь (см. табл. 2). А среди тех, кому сейчас за 40 лет, лишь 9% ответили, что не помнят, как кризис 1998 г. сказался на их уровне жизни.

Таблица 2

Оценки влияния кризиса 1998 г. на уровень жизни семей (в %)

Вспомните, пожалуйста, повлиял ли как-либо кризис 1998 г. на материальное положение вашей семьи? Если да, то как именно?	Все	Только те, кто помнит
1. Дефолт и экономический кризис 1998 г. практически никак не повлиял на материальное положение нашей семьи	15	20
2. В первые месяцы после дефолта материальное положение нашей семьи ухудшилось, но довольно скоро мы смогли восстановить предкризисный уровень жизни	18	24
3. Материальное положение нашей семьи после дефолта существенно ухудшилось, и мы долгие годы не могли восстановить предкризисный уровень жизни	31	42
4. Дефолт 1998 г. стал крахом для нашей семьи, мы до сих пор не смогли восстановить предкризисный уровень жизни	8	11
5. Нам удалось воспользоваться новыми возможностями, довольно быстро материальное положение нашей семьи стало лучше, чем до кризиса	2	3
6. Не помню, не знаю	22	
9. Затрудняюсь ответить	4	

Источник: опрос Левада-Центра городского и сельского населения России в возрасте 18+, проведенного в сентябре 2018г., N = 1600.

Кризис 1998 г. стал серьезным испытанием для большинства населения. С одной стороны, он оказался крахом в среднем для каждого десятого из тех, кто помнят суть событий – по субъективным оценкам респондентов их семьям так и не удалось восстановить предкризисный уровень жизни. С другой стороны, спустя 20 лет один из пяти опрошенных (20% от числа тех, кто смогли оценить влияние кризиса) считают, что события 1998 г. практически никак не отразились на материальном положении их семей, еще примерно столько же (24% от числа тех, кто смогли оценить влияние кризиса) вспоминают, что трудности возникли только в первые месяцы после дефолта, и их семьям удалось довольно быстро восстановить привычный уровень жизни.

Однако чаще всего люди вспоминают о том, что последствия кризиса 1998 г. были многолетними и семьи долгие годы не могли восстановить предкризисный уровень жизни (42% от числа тех, кто смогли оценить влияние кризиса и 31% – от всех опрошенных). Люди хорошо помнят серьезный удар кризиса по благосостоянию своих семей, причем оценки, данные по свежим следам, и воспоминания довольно схожи. По данным исследования Левада-Центра, проведенного в ноябре 1998 г. (опрос был проведен по выборке, репрезентирующей мнение городского и сельского населения России в возрасте 18 лет и старше, N=2400), отвечая на вопрос об изменениях в привычном потреблении в результате развития августовского кризиса, две трети опрошенных говорили о том, что “уровень потребления существенно ухудшился” (63%), примерно каждый пятый (22%) говорил о “незначительном ухудшении потребления”. Только каждому десятому (12%) в те годы удалось сохранить привычный уровень потребления. Такое совпадение оценок в момент события и спустя многие годы редко бывает с общественной памятью и является признаком высокой значимости события и широкого согласия/консенсуса по поводу его социальной оценки.

Как видим, большая часть населения страны пребывает в уверенности, что кризис, начавшийся в 1998 г., имел весьма долговременные последствия. Экономическая статистика более оптимистична: рост экономики, согласно данным о ВВП, промышленном производстве, реальных денежных доходах населения начался уже в 1999–2000 гг.

Но в представлениях обычных людей картина складывается иная. Отвечая на вопрос о том, когда (в каком году), по их воспоминаниям, закончился кризис 1998 г., только треть опрошенных смогла назвать дату окончания кризиса (см. рис. 7). Значительная часть респондентов затруднились ответить (37%), и это вполне ожидаемо, учитывая описанные выше сложности периодизации экономических циклов.

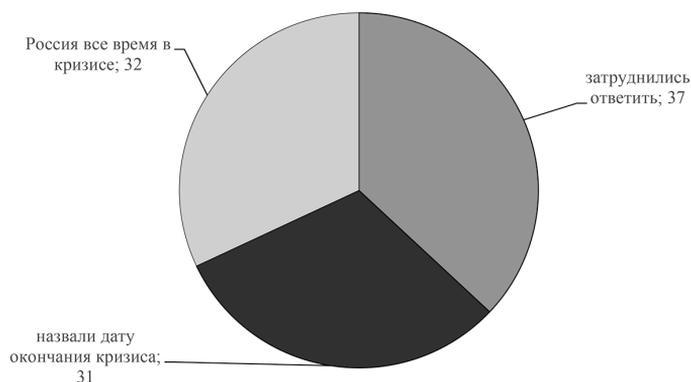

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос “В каком году закончился экономический кризис, начавшийся в августе 1998 г.?” (в %).

Источник: Левада-Центр, опрос городского и сельского населения России в возрасте 18+, проведенный в сентябре 2018 г., N = 1600, расчеты автора.

В свою очередь, только треть ответов тех респондентов, которые вообще назвали дату окончания кризиса 1998 г., согласуется с данным экономической статистики: о том, что кризис завершился к 2000 г., сообщили 36% (179 респондентов) тех, кто назвали год окончания кризиса. Остальные (354 респондента) назвали более поздние даты, в основном 2001–2005 гг. (47% или 243 респондента).

Вопрос о дате завершения кризиса задавался в исследовании как “открытый”, респондентов просили назвать просто год. Однако помимо уже упомянутой трети участников опроса, которые затруднились сделать это, еще примерно столько же (32%, 509 респондентов) спонтанно сообщили, что, по их мнению, “Россия все время в кризисе”!

Дальнейшие вопросы анкеты, задачей которых был сбор данных о том, сколько еще экономических кризисов помнят люди (когда они начинались и заканчивались), показали, что число сторонников мнения “Россия все время в кризисе” продолжало увеличиваться. На вопрос о том, были ли кризисы после 1998 г. (он *не* задавался тем, кто уже сообщили, что страна все время в кризисе), только четверть (24%) ответили, что кризисов больше не было, а 14% сказали, что страна все время находится в кризисе (см. рис. 8).

Как правило, те немногие респонденты, которые могли назвать даты повторных кризисов, отвечали, что с тех пор был только один значительный экономический кризис, и чаще всего называли 2008 г. (62%). Еще примерно треть (30%) полагали, что было два кризиса, тогда чаще всего называли две даты начала – 2008 г. и 2014 г.

Вопросы о датировке окончания этих последующих кризисов продолжали приводить к накоплению сторонников мнения о том, что Россия все время находится в состоянии экономического кризиса. Из тех, кто считают, что со времен 1998 г. был только один кризис, только половина ответили, что этот единственный кризис закончился. Из тех, кто полагали, что кризисов было больше, – практически никто не смогли назвать дату завершения повторных кризисов.

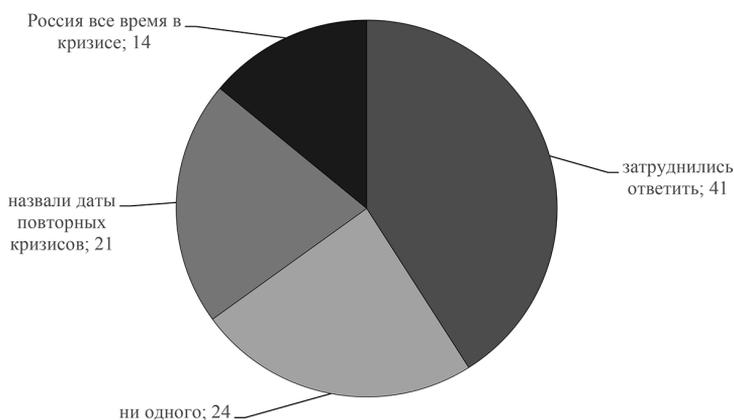

Рис. 8. Распределение ответов на вопрос “Были ли кризисы после 1998г.?” (в %).

Источник: Левада-Центр, опрос городского и сельского населения России в возрасте 18+, проведенный в сентябре 2018 г., N = 1090, расчеты автора.

В результате обобщения ответов на несколько этих простых вопросов о датировке экономических кризисов получилось, что половина взрослого населения России, в сущности, полагают, что страна все последние два десятилетия пребывает в состоянии экономического кризиса (см. рис. 9). И только один из десяти придерживается противоположного мнения, то есть считает, что кризис 1998 г. закончился и больше не было столь же значительных потрясений (7%) либо были, но тоже уже закончились (4%).

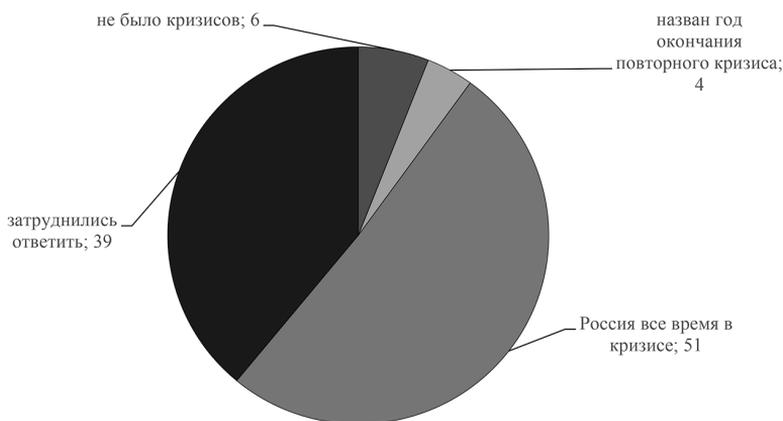

Рис. 9. Кризисы в российской экономике после 1998 г. (в %).

Источник: Левада-Центр, опрос городского и сельского населения России в возрасте 18+, проведенный в сентябре 2018 г., N = 1600, расчеты автора.

Такие результаты исследования наводят на мысль, что обычные граждане, с готовностью отвечая на вопросы анкет о причинах, последствиях и прочих результатах экономических кризисов, чаще всего, похоже, говорят не о каком-то временном состоянии экономики страны, а о привычной и неизменной повседневности. Субъективное восприятие материальных условий жизни большинством российских семей наилучшим образом описывается словом “кризис”. При этом теряется, стирается экстраординарный, временный, преходящий смысл этого понятия, *кризис становится нормой жизни*. И практически

никогда речь не идет об экономическом кризисе как источнике новых возможностей, катализаторе позитивных перемен в личной судьбе простых граждан (доля таких ответов сопоставима с ошибкой выборки).

Социально-демографические различия. Как показано выше, половина взрослого населения считает, что страна десятилетиями живет в условиях непрекращающегося экономического кризиса. Локализуется ли такое мировосприятие в обособленных социальных группах и, если да, то каковы отличия в тех группах, где думают иначе, то есть видят периоды позитивных перемен и, в частности, не оценивают текущее положение как кризисное? Результаты опроса показывают, что в целом ответ на этот вопрос отрицательный – различия если и возникают, то весьма незначительные. Немного чаще “кризисные” оценки наблюдаются у москвичей и более образованных граждан. Реже – в молодежной среде, у относительно более обеспеченных респондентов, а также у сельских жителей (см. табл. 3).

Таблица 3

Распределение мнений о кризисном состоянии российской экономики по социально-демографическим группам опрошенных (в % по строке)

	Россия все время в кризисе	Затрудняюсь ответить	После 1998 г. кризисов не было или они закончились
В среднем	51	39	10
Возраст			
18 –24 года	39	54	7
25 –39 лет	52	37	11
40 –54 года	53	35	13
55 лет и старше	51	40	9
Образование			
нет высшего образования	49	41	10
есть высшее образование	55	34	12
Финансовый статус			
бедные	54	40	6
средние	52	39	9
обеспеченные	46	38	16
Тип населенного пункта			
Москва	69	21	10
города более 500 тыс. жителей	51	37	12
города 100 –500 тыс. жителей	53	37	10
города до 100 тыс. жителей	53	36	12
село	40	52	8

Источник: Левада-Центр, опрос городского и сельского населения России в возрасте 18+, проведенный в сентябре 2018 г., N = 1600.

Меньшинство, различающее экономические циклы, способное отразить периоды улучшения и ухудшения экономического положения страны, мало отличается от остальной части общества не только по социально-демографическим характеристикам, но и по мировосприятию. Их модальная оценка текущей жизни – “все не так плохо”, тогда как у остальных – “трудно, но можно терпеть”. Они примерно столь же часто ощущают себя счастливыми, а источник их счастья, как и у остальных, – в личных обстоятельствах. Это небольшая часть благополучных молодых граждан, которые чуть более настороженно относятся к окружающему.

Небольшая группа граждан, не оценивающих текущую ситуацию как кризисную, заметно отличается от остальной части общества по двум доступным для сравнения параметрам: оценке доступности услуг образования и здравоохранения. В отличие от основной части общества, две трети позитивно оценивают возможности получения хорошего образования и половина – получения медицинской помощи². Однако относительно перспектив получения хорошей работы в месте своего проживания они настроены практически столь же категорически отрицательно, как и все остальное российское общество.

* * *

Изучение субъективных представлений о параметрах экономической динамики показывает, что большинство населения рассматривает экономический кризис как долговременное, продолжающееся состояние экономической модели страны без признаков изменения ситуации. Такую картину умов, рамку восприятия повседневности нужно учитывать, анализируя субъективные оценки, которые люди дают текущим событиям и явлениям. Следует принимать во внимание, что такое восприятие реальности способствует занижению запросов и ожиданий людей, сокращению горизонта предвидения будущего не только общества в целом, но и личной судьбы, упрощению критериев оценки сегодняшнего дня. Общество, привыкшее жить в экстраординарно негативных условиях, легко поддается манипулированию, “дешево” в управлении. Все эти характерные особенности современного российского общества не раз отмечались экспертами, и обсуждаемые в настоящей статье результаты опросов еще раз их подтверждают.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белянова Е.В., Николаенко С.А. (2013) О датировке экономических циклов: мировой опыт и возможности его использования в российских условиях // Вопросы статистики. № 8. С. 30–41.
- Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Рыжикова З.А. (2012) Движение рабочих мест в российской экономике: в поисках созидательного разрушения. НИУ ВШЭ. Препринт WP3/2012/03.
- Красильникова М.Д. (2011) Культура бедности. Постсоветский комментарий к Веблену // Вестник общественного мнения. № 1 (107). С. 36–51.
- Красильникова М.Д. (2016) Российский потребитель – меняется ли он? // Вестник общественного мнения. № 1–2 (122). С. 86–95.

REFERENCES

- Belianova E.V., Nikolaenko S.A. (2013) O datirovke ekonomicheskikh tsiklov: mirovoy opyt i vozmozhnosti yego ispol'zovaniya v rossiyskikh usloviyakh [On the dating of economic cycles: world experience and the possibilities of its use in Russian conditions]. *Voprosy statistiki*, no. 8, pp. 30–41.
- Gimpelson V.E., Kapelyushnikov R.I., Rizhikova Z.A. (2012) *Dvizheniye rabochikh mest v rossiyskoy ekonomike: v poiskakh sozidatel'nogo razrusheniya* [Job Movement in the Russian Economy: In Search of Creative Destruction]. Preprint NIU VSE. WP3/2012/03.
- Krasilnikova M.D. (2011) *Kul'tura bednosti. Postsovetkiy kommentariy k Veblenu* [The culture of poverty. Post-soviet comments on Veblen]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, no. 1 (107), pp. 36–51.
- Krasilnikova M.D. (2016) *Rossiyskiy potrebitel' – menyaetsya li on?* [Is Russian consumer changing?]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, no. 1–2 (122), pp. 86–95.

² Отмечу, что формулировка вопросов о доступности услуг образования и медицинской помощи не определяет источник получения этих услуг (платный или бесплатный, на территории России или за рубежом и т.п.).